

Лидия Чарская

Первые товарищи

Лидия Чарская

Первые товарищи

«Public Domain»

1911

Чарская Л. А.

Первые товарищи / Л. А. Чарская — «Public Domain»,
1911

"Действительно, воздушная бумажная юбочка Принца горела с одного бока. В пылу игры мальчик не заметил, как близко подъехал на спине своего воображаемого коня к одному из огарков, стоявших на полу, и задел его листом газетной бумаги. Мартик, увидевший пламя на юбке Принца, закричал..."

© Чарская Л. А., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лидия Алексеевна Чарская

Первые товарищи

Глава 1

Яркое солнышко заглянуло в окошко и разбудило Сережу.

Сережа протер сонные глаза и уже снова было прикорнул на подушку, как вдруг, что-то вспомнив, быстро приподнялся и громко произнес:

– Надо вставать! Ведь сегодня я поступаю в пансион.

Сережа проворно натянул чулки и башмаки и крикнул няню, чтобы она дала ему умыться. Вошла няня, полная, добродушная женщина, Домна Исаевна, бывшая кормилица Сережи, которую и он, и его шестилетняя сестричка Людочка любили, точно родную.

– Что в такую рань поднялся? – шутливо заворчала Домна Исаевна.

– Няня! – сказал Сережа, – разве ты забыла, что я еду сегодня в пансион?

Мама решила отдать Сережу в учебное заведение г-жи Власьевой полным пансионером.

Сережа целую неделю должен был проводить в пансионе и только по праздникам мог приходить в отпуск домой. Поступление в пансион составляло большое событие не только для самого Сережи, но и для всех домашних.

И няня Домна Исаевна, перестав ворчать на своего любимца, начала поливать из большого кувшина на руки Сережи холодную свежую воду.

Едва Сережа успел умыться, как вбежала его сестра Людочка и повисла у него на шее. Малютка рассказала брату о том, каких потешных маленьких человечков видела она во сне, потом – что Арапка, их большая комнатная собака, пришла ее будить рано утром и как няня рассердилась и прогнала Арапку. И Людочка, вспомнив, как потешно няня сердилась и гнала Арапку, рассмеялась.

Но Сереже было не до смеха. Он был очень озабочен предстоящим сегодня поступлением в пансион.

Он только улыбнулся в ответ и, помолившись Богу, пошел в столовую.

Мама была уже там.

– Здравствуй, пансионер! – ласково улыбнулась она мальчику и подала ему большую чашку с дымящимся кофе.

Сережа пил кофе, ел сдобные булочки и все время думал, как бы ему не опоздать в пансион.

Когда на больших столовых часах пробило девять, мама сказала:

– Ну, Сергунчик, собирайся, пора!

Он быстро оделся, поцеловал Домну Исаевну, погладил Арапку и вышел на лестницу в сопровождении мамы.

В ту минуту, когда няня Домна Исаевна собиралась закрыть входную дверь, послышался звонкий голосок Людочки:

– Подожди, Сергунчик, я хочу тебе что-то подарить.

Мама и Сережа молча переглянулись, а она уже стояла на площадке лестницы, примыкавшей к их квартире, и протягивала брату что-то тщательно завернутое в бумажку.

Сережа развернул бумажку и увидел однорукую маленькую куколку Людочки, ее любимицу Стешу.

– Зачем же ты мне ее даешь, Людочка? – удивился Сережа и хотел вернуть сестре куколку, но та возразила:

– Нет, нет, оставь, я тебе ее дарю. С ней тебе не будет так скучно в пансионе. Когда тебе станет скучно, ты с ней поиграешь.

– Да ты сама по ней соскучишься, Людочка, – пробовал Сережа уговорить сестренку.

– Нет, нет, – говорила Людочка и даже слезки навернулись на ее длинные ресницы, – я не соскучусь, ведь я останусь дома с мамой, Домной Исаевной и Арапкой, а ты один, среди чужих мальчиков, проведешь всю эту неделю. Так пускай с тобой будет хоть Стеша! Пожалуйста, Сергушек!

Сергушек взглянул на ее полные слез голубые глаза и вдруг крепко обнял сестрицу.

Кукла Стеша осталась у него.

* * *

Сережа старался быть спокойным, чтобы не огорчать маму, но во время пути от их дома, вплоть до самых дверей пансиона, сердце его щемило от страха.

Когда, в прихожей пансиона, седой сторож Вавилыч снял с Сережи пальто и пригласил последовать за ним, он совсем оробел и сконфузился.

Они прошли целый ряд больших и красиво убранных комнат, пока в одной из них не увидели невысокую полную даму, приветливо ответившую на поклон Сережиной мамы.

Это и была г-жа Власьева, начальница пансиона, в который поступил Сережа.

– Привезли сынка? – обратилась Власьева к маме. – Вот и отлично. Мальчик большой, пора учиться. Не хотите ли проводить его в класс?

Мама охотно согласилась на предложение начальницы, и они втроем пошли на ту половину, где помещались классы.

Длинный коридор очень понравился Сереже. «Здесь отлично можно бегать и играть в лошадки», – подумал он и пожалел, что Людочка не может бегать с ним вместе.

– Вот твои новые товарищи! – сказала начальница, обращаясь к Сереже, когда они вошли в класс, где сидели на скамейках за длинными столиками мальчики.

Отдельно, посреди класса, за маленьким столиком, сидел учитель, очень строгий на вид, с синими очками на носу.

Сережа с любопытством оглядывал класс, а мальчики, вставшие со своих мест при входе начальницы, в свою очередь разглядывали его.

Сереже стало неловко и грустно – ему нужно было прощаться с мамой, которую он уже не увидит целую неделю, до субботы, когда их на двухдневный отпуск распустят по домам.

Мама точно поняла, что происходило в душе мальчика. Она крепко обняла Сережу, перекрестила его несколько раз и нежно шепнула ему на ушко:

– Не скучай, мой мальчик. В субботу увидимся. Мне пора домой.

Сережа считал себя «молодцом» и всеми силами старался удержать набегавшие на глаза непрошеные слезы.

Он крепко поцеловал маму и обещал ей не скучать, быть умным мальчиком и прилежно учиться.

Когда мама в сопровождении начальницы вышла из класса, Сережа почувствовал себя ужасно одиноким.

* * *

Чтобы как-нибудь успокоить себя, Сережа стал разглядывать своих соседей. Некоторые из мальчиков были старше его, другие моложе.

Особенно привлек внимание Сережи рыжий мальчик, сидевший с ним на одной скамейке. Это был большой шалун и проказник. Как только отворачивался учитель, рыжий

мальчик делал такие смешные рожицы, что, как ни грустно было на душе у Сережи, он едва мог удержаться от улыбки.

– Как тебя зовут? – спросил Рыжий.

– Сережа!

– Ну вот и соврал, – тихо, чтобы не слышал учитель, рассмеялся мальчик.

– Нет, не соврал, – даже немножко обиделся Сережа, – меня зовут так.

– А фамилия твоя как? – не унимался рыжий.

– Фамилия Горин.

– Ну, значит, тебя зовут Сергей Горин, а вовсе не Сережа! – захихикал Рыжий и добавил так, чтобы слышали сидящие кругом них мальчишки: – Ах ты, мартышка!

Сережа обиделся на данное ему прозвище; дома его называли Сереженькой, Сергунчиком, Сергушкой, и слово «мартышка» ему очень не понравилось.

– Я вовсе не мартышка, – обидчиво возразил он рыжему. – Мартышки сидят в клетках в Зоологическом саду, а я просто Сережа.

– Нет, мартышка, – не унимался рыжий. – Скажите, пожалуйста, обижаться еще вздумал... Ах ты, гоголь-моголь ты эдакий!

– Грушин! – вдруг сказал учитель, – ты сам не слушаешь и другим мешаешь. Ступай в угол и стой, пока не окончится урок.

– Виноват, Алексей Иванович, – взмолился Грушин, – я больше не буду!

– Ступай в угол! – еще строже повторил учитель и так сердито поверх очков посмотрел на рыжего, что тот не посмел ослушаться и покорно встал у стены, рядом с большой черной доской.

Но он никак не мог уняться и стал показывать Сереже язык.

Учитель взял книгу со стола, подозвал к себе Сережу и велел ему прочесть первую страницу. Мальчик учился читать с мамой и старательно относился к этому. Для своих восьми лет Сережа читал прекрасно и заслужил похвалу учителя.

– Очень хорошо, Горин, – сказал тот, – молодец! Вот Грушин, – неожиданно повернулся он к стоявшему у доски Рыжему, который никак не ждал обращения Алексея Ивановича и от неожиданности прикусил язык, которым он дразнил Сережу, – вот с кого тебе пример надо брать! Такой маленький, а как читает, а ты меня перерос, а еще «Ч» от «Щ» отличить не можешь!

Сереже было и стыдно, и приятно от похвалы учителя.

«Вот бы мамочка услышала, как бы она порадовалась!» – невольно подумал мальчик.

Рыжий сердился и краснел. Он едва умел читать и слыл самым ленивым учеником в младшем классе.

Раздался громкий звонок: урок кончился.

Лишь только учитель вышел из класса, как все мальчики вскочили со своих мест и окружили Сережу:

– Кто ты?

– Как тебя зовут?

– Кто твой отец?

Сережа едва-едва успевал отвечать на вопросы и робко косился на новых товарищей.

– А ты Москву видел? – неожиданно подскочил к нему рыжий, и прежде чем Сережа успел опомниться, он схватил его обеими руками за голову и высоко поднял в воздух.

Рыжий был много выше и сильнее Сережи.

Он почувствовал боль, его уши горели и ныли в цепких пальцах Грушина, но Сережа, однако, сделал над собой усилие и не заплакал.

– Вот тебе Москва, вот тебе Москва! – приговаривал между тем рыжий мальчик, в то время, как остальные пансионеры громко смеялись.

– А бороться умеешь? – неожиданно подскочил другой мальчуган одного возраста с Сережей, плотный, коренастый, с забавным вихром на лбу.

За этот вихор мальчика Мишу Викторова прозвали Петухом.

Своей драчливостью, громким голосом и задором, он, действительно, походил на эту птицу и как нельзя лучше оправдывал данное ему прозвище.

– Хочешь бороться? – еще раз крикнул Петух и, не дав опомниться Сереже, плотно обхватил его за талию, стараясь повалить на пол.

* * *

Завязалась борьба. Мальчики встали полукругом и с живым интересом смотрели на борющихся. Некоторые были уверены, что победит Миша, другие стояли за Сережу.

Если Петух брал силой, то Сережа отличался ловкостью и изворотливостью, и победить его было не так-то легко. Вот-вот, казалось, осилит Петух и Сережа упадет побежденный, но в ту же минуту он сделал быстрый прыжок, выскальзывал из рук Миши, и снова возобновлялась борьба к необычайному удовольствию маленьких зрителей.

Пот с обоих мальчиков катился градом.

Оба они, красные от усилий и волнения, кружились на одном месте. Наконец, Сережа начал, видимо, осиливать... Еще немного, и он останется победителем...

Но в ту самую минуту, когда Миша был в руках Сережи, Рыжий, следивший все время за борьбой, незаметно выступил вперед и подставил Сереже ногу.

Сережа не заметил в пылу борьбы поступка Рыжего, споткнулся о подставленную ему ногу и упал, сильно ударившись головой об пол.

В одну минуту Петух был на его груди и торжествуя оглядывал всех товарищей.

– Браво, Петушок! Браво! – кричали они и хлопали в ладоши; громче всех кричал Рыжий.

– Прочь с дороги! – внезапно прозвучал грозный окрик, и хорошенький белокурый мальчик лет девяти вскочил в круг.

– Петух! – гневно кричал мальчик, – ты не воображай, что победил Горина: я отлично видел, как Рыжий подставил ему ногу!

– Принц врет! Не верьте, братцы! – оправдывался Грушин, пойманный и уличенный на месте.

– Нет, Принц не врет никогда, – вступился бледный, худенький мальчик и с восторгом посмотрел на белокурого Принца.

А тот помог подняться Сереже, обчистил на нем запылившуюся во время борьбы курточку и, протягивая ему руку, сказал:

– Здравствуй! Меня зовут Котей Вакулиным, а они прозвали меня Принцем, – и он кивнул в сторону товарищей. – Зови и ты меня Принцем, и будем друзьями!

Сережа, сконфуженный, стоял напротив своего покровителя и смотрел на него восхищенно.

У Коти Вакулина были длинные белые кудри, голубые ясные глаза и умное лицо. Прозвище Принца как нельзя лучше шло к нему.

Мальчики притихли при появлении Коти и теперь, видя, что тот принял новенького под свою защиту, стали понемногу расходиться.

Звонок возвестил начало другого урока. Антонина Васильевна Власьева, или Пушка, как ее называли мальчики за ее полную фигуру и чрезвычайно грубый голос, вошла в класс.

Она сама давала уроки арифметики маленьким пансионерам и была весьма строга.

При ее появлении стало так тихо в классе, что слышно было, пожалуй, как летали мухи.

Глава 2

– Дважды четыре – сколько будет? – неожиданно обратилась учительница к Петуху, сидевшему на первой скамейке.

Петух, еще не пришедший в себя от недавней борьбы, красный, как морковь, вскочил со своего места и бойко ответил невпопад:

– Десять!

– Отлично! Вот я тебя десять суббот в отпуск и не отпущу, вот и будешь знать, как наугад говорить! – рассердилась Антонина Васильевна, не терпевшая рассеянности в классе.

Лишение по субботам отпуска было самым строгим наказанием, и маленькие пансионеры боялись его, как огня. Поэтому Петух моментально стряхнул с себя рассеянность и вспомнил, что дважды четыре восемь, а никак не десять, и сказал это Пушке.

– Ну, а трижды восемь сколько? – обратилась Пушка к Сереже.

Сережа долго думал, прежде чем ответить, и наконец сказал:

– Двадцать четыре.

– Верно, – похвалила Пушка и вызвала к доске бледного, худенького Мартика Миллера – того самого, который смело заявил товарищам, что Принц никогда не врет.

Мартик очень крупно и красиво написал те цифры, которые ему продиктовала Пушка.

«Точно солдатиков выровнял», – пришло в голову Сереже.

– Он хороший ученик? – обратился Сережа к своему соседу Рыжему, забыв о его злой выходке.

Сережа был очень добрый мальчик и никогда не помнил долго причиненного ему зла. Он думал, что и все мальчики на свете должны были быть такими же добрыми и хорошими, как он. Но не тут-то было, Рыжий, невзлюбивший почему-то Сережу, решил изводить и дразнить его всевозможными способами:

– А тебе какое дело, мартышка? – дерзко спросил он.

Но в ту же минуту большой комок белой бумаги, скатанный вроде мячика и брошенный со скамьи, где сидел Принц, угодил Рыжему прямо в лоб.

– А... ты бросаться! – рассвирепел Грушин и ущипнул ни в чем не повинного Сережу.

Принц сидел далеко, и потому Рыжий ограничился только тем, что показал ему кулак.

«Злой мальчик», – подумал Сережа и отодвинулся от Рыжего на самый дальний конец скамейки.

Урок арифметики кончился. Пушка вышла из класса, а ее заменил воспитатель-дядька Василий Иванович.

Василий Иванович поставил мальчиков по двое в ряд и повел в столовую завтракать.

Все двенадцать мальчиков, составляющие младший класс пансиона, сели за один стол, на одном конце которого было место для Василия Ивановича. Каждому мальчику дали по бараньей котлетке, стакан чаю и бутерброд с сыром.

Сережа не был особенно голоден. Он думал: «В это время мама и Людочка тоже садятся завтракать. Мама на конце стола, а Людочка с правой стороны на высоком детском стуле. А место Сережи не занято... Арапка, наверное, удивляется, почему Сережа место не занял».

Сережа замечтался и не заметил, как его котлетка исчезла с тарелки и пропала в кармане сидевшего напротив Грушина.

Но Принц все видел и, не стесняясь присутствия воспитателя за столом, резко сказал:

– Рыжий, сейчас же положи котлету на тарелку Горина. А ты, Горин, – прибавил он мягко, – не зевай по сторонам, а то у тебя другие все съедят.

Сконфуженный Грушин исполнил требование мальчика и возвратил котлету Сереже, но так сердито посмотрел на него при этом, что бедный Сережа почувствовал, как сильна была ненависть мальчика.

Завтрак окончился. Мальчиков повели наверх в большую светлую комнату, где стояла высокая, до самого потолка, стенка с трапециями, кольцами, лестницами и даже качелями.

– Дети, играйте и веселитесь, – сказал, уходя, Василий Иванович, – только не шумите и не ссорьтесь.

– Братцы! Кто хочет играть в казаки-разбойники? – весело крикнул Принц.

– Я, я, я! – закричали со всех сторон.

Все мальчики разделились на две группы: одни были казаками, другие разбойниками. Разбойники выбрали себе атамана. Казаки мирно стали устраивать свою станицу (станией всегда был гимнастический зал), как вдруг на них напали разбойники. Казаки обратились в бегство, а разбойники их преследовали и уводили в плен.

Сережа еще не знал этой игры, и она ему очень понравилась. Он, Мартик Миллер, Петух, потом черненький Жучок, или Ваня Изюмин, удивительно шустрый и веселый мальчик, и высокий Морозов, или Морозко, как его называли в классе, были казаками. Принц, Грушин и остальные шесть мальчиков были разбойниками.

Сережа во всю прыть мчался по залу.

Его догонял Принц. Вот-вот, казалось, мальчик протянет руку и поймает его. Но Сережа прибавил ходу, и Принц остался далеко позади.

Принц тяжело дышал, щеки разгорелись, и волосы спутались на лбу. Сереже стало жаль Принца, которому он был обязан за его заступничество перед Рыжим.

«Надо ему поддаться», – решил Сережа и незаметно стал бежать тише.

В ту же минуту Принц нагнал его и ударил три раза по плечу.

– Поймал! – весело крикнул он.

– Как же не поймал, когда он тебе поддался! – насмешливо сказал подоспевший Рыжий.

– Разве ты поддался? – обратился Принц к Сереже, все еще держа его за плечо.

Сережа никогда не лгал, даже по пустякам, и поэтому сказал немного смущенно:

– Да, поддался.

– И глупо сделал! – рассердился Принц и прибавил: – Господа, это не игра, я с Гориным не хочу играть.

– Не игра, не игра! – подхватили все мальчики и отхлынули от Сережи.

Сереже стало грустно и нехорошо на душе.

Он не хотел обидеть Принца, который ему нравился своей веселостью, а главное подкупил его своим заступничеством.

Потерять дружбу Принца было большим горем для Сережи. Он подошел к окну и стал смотреть на улицу. А мальчики по-прежнему шумели и бегали по залу.

* * *

От завтрака до обеда было три урока: гимнастика, Закон Божий и французский язык. Гимнастике учил мальчиков пансионер старшего класса по фамилии Валерик, такой высокий юноша, что Сережа должен был задрать голову, чтобы взглянуть на него, когда Валерик спросил его о чем-то.

Гимнастика была самым любимым уроком мальчиков, потому что, если они хорошо себя вели, Валерик позволял им поиграть в кошку и мышку или жмурки в конце урока.

Сегодня Валерик был в самом лучшем настроении духа и к середине урока весело закричал:

– А ну-ка, братцы, в кошки-мышки!

Мальчики завизжали от радости и бросились устраивать круг.

– Принц! Ты будешь мышка, а новенький кошка! – сказал Валерик и поставил Принца в круг взявшихся за руки мальчиков.

Сережа очутился за кругом.

«Непременно надо поймать Принца, – думал он, – пусть мальчики увидят, что я ловкий и проворный, не хуже их!.. А вдруг Принц опять рассердится! – и сердечко Сережи тревожно сжалось. – Будь что будет!» – решил он и помчался за Принцем во всю прыть.

Принц был проворный и быстрый мальчик, и поймать его было нелегко. Наконец, после долгих усилий, Сережа схватил Принца за плечо. Но тот быстро вырвался и снова был уже далеко.

Мальчики дружно восторгались ловкостью Принца. Они впускали его без всяких затруднений в круг, согласно правилам игры, а Сережа, как ни старался проникнуть туда, цепь быстро замыкалась, и он оставался за кругом.

– Кошка, прочь, кошка, прочь! – кричали мальчики.

Сережа начал уже уставать, но поймать Принца ему очень хотелось, и потому он не терял надежды проникнуть в круг.

– Принц, Принц, – вскрикнул черненький Изюмин, или Жучок, как его называли товарищи, – берегись!

Но было уже поздно. Сережа прыгнул через руки двух зазевавшихся мальчиков в круг и поймал Принца.

– Молодец! – похвалил его Валерик.

Но Сереже эта похвала не доставила никакого удовольствия. Он со страхом взглянул на Принца, ожидая увидеть его лицо, полное укора. Но Принц так по-доброму смотрел на Сережу, что в душе его точно птички запели, так вдруг стало ему хорошо и радостно.

– Вот ты какой проворный! – с улыбкой сказал Принц. – Я бегаю почти быстрее их всех, – оглянулся он на остальных мальчиков, – а ты меня все-таки догнал... хорошо!

Сережа обрадовался похвале Принца.

По окончании урока они долго ходили обнявшись по классу, и Сережа рассказывал своему новому товарищу о маме, о Людочке и о черной Арапке.

– А ты очень рассердился на меня за то, что я тебе поддался, когда мы играли в казаки-разбойники? – спросил он, между прочим, Принца.

– Очень! – ответил тот серьезно. – Если б мальчики заметили, что мне поддаются, они бы засмеяли меня. Я считаюсь самым ловким в классе. Ты посмотри, какие у меня мускулы!

Принц высоко поднял рукав своей курточки и, прижав кисть руки к плечу, напряг мышцы.

Сережа мускулов, однако, не заметил, но покачал сочувственно головою, не желая обидеть своего нового друга.

* * *

Следующие два урока прошли незаметно. Закону Божьему мальчиков учил отец дьякон из соседней церкви. Он говорил, сильно упирая на «о» и был очень добр.

Сереже он понравился. Отец дьякон рассказывал мальчикам о Всемирном потопе, и Сережа внимательно слушал каждое его слово.

После урока Закона Божия был французский урок. Снова Антонина Васильевна появилась за столиком. Она учила мальчиков французскому языку и еще строже относилась к этому предмету, нежели к арифметике.

Пушка любила Принца, потому что он отлично говорил по-французски.

– А ты, Горин, знаешь что-нибудь? – обратилась она к Сереже.

Но Сережа только и знал два слова: «мерси» да «иси». Последнее он потому только и знал, что часто мама кричала Арапке: «Иси, Арапка». Он поэтому чистосердечно заявил Пушке, что он только и знает два слова: мерси и иси. Пушка рассмеялась. Рассмеялись и все мальчишки. А Сережа не мог понять, почему они смеются.

– Ты не беспокойся, пожалуйста, я тебя выучу по-французски, – успокоил его Принц после урока, когда они чинно, под предводительством Василия Ивановича, пошли в столовую обедать.

Сережа был очень признателен Принцу. Ему казалось, что он давно знает этого голубоглазого, белокурого мальчика.

Обед прошел весело.

Мальчишки задавали друг другу загадки и угадывали большею частью невпопад к общему удовольствию и смеху.

– Я всегда все загадки могу угадать, – неожиданно заявил Рыжий.

– Ну, ты всегда хвастаешься, Грушин, – отвечал ему худенький Мартик Миллер.

– Да, да, Рыжий известный хвастунишка, – подхватил Петух и незаметно для Рыжего сделал ему над головой рожки.

– Не спорьте, дети! – вмешался Василий Иванович, занятый разрезыванием жаркого на своей тарелке.

– Не спорьте, – подтвердил Принц и насмешливо взглянул на Грушина. – Ну-ка, отгадай, Грушин, мою загадку, если ты уж такой отгадчик.

– Говори! – важно произнес Грушин.

– Антипка низок – на нем сто ризок! Что это такое?

– Желудь! – не сморгнув выпалил Рыжий.

– Сам ты желудь! – рассмеялся Принц. – Где же у желудя ризки? Да и на дереве он растет, а не низко на земле. Это капуста, глупый, понимаешь ли, простая капуста, а ты вдруг – желудь! Ха-ха-ха!

– Ка-пус-та! – протянул Рыжий и препотешно открыл свой и без того большой рот. – А ведь я думал – желудь.

– Ну, ладно, первая ошибка не в счет, – добродушно вмешался Жучок, добрый, покладистый мальчик, не любивший насмешек и споров, – задай ему лучше вторую загадку, Принц.

– Идет, – согласился тот. – А ну-ка, мудрец, что такое: без окон, без дверей – полна горница людей?

Грушин теперь не сразу ответил: он почесал свою рыжую голову и, густо краснея, медленно пробасил:

– Комната.

И мальчишки, и Василий Иванович, и подававшая детям обед горничная Паша, все так и покатались со смеху.

Даже старшие пансионеры, сидевшие за другими столами, пришли спросить, почему так весело у «малышей» и не именинник ли кто-нибудь в младшем классе?

Но больше всех смеялся Принц.

– Ха-ха-ха! Вот так мудрец, – заливался он, – ай да Грушин, ха-ха-ха!

Грушин окончательно рассердился.

– Глупая загадка! Никто ее не знает! – крикнул он.

– Я знаю, – против воли вырвалось у Сережи.

Сережа не хотел досадить Грушину, а просто внезапно вспомнил, что мама задавала ему как-то эту загадку и объяснила ее значение.

– Ну? – сердито повел глазами в сторону Сережи Грушин.

– Это огурец.

– Да где же тут люди?

– А зернышки огуречные! – вмешался Мартик.

– Ну, уж вы... то про капусту... то про огурцы... а умного ничего не придумаете. Ах вы, огородники, – ворчал сконфуженный Грушин и зло смотрел на Сережу.

– Огородники пользу приносят, трудятся, – заметил Жучок таким тоном, каким говорят большие с маленькими детьми.

– Ну, вы и будете огородниками! – так же сердито продолжал Рыжий, – а я не желаю им быть... Не велика честь... Я не огородник.

– Нет, нет! Ты не огородник, Грушин, ты мудрец! – подхватил Принц.

– Мудрец! Мудрец! – засмеялись мальчики. – Рыжий Мудрец!

Грушин злился, но ничего не мог поделать.

* * *

После обеда мальчики до восьми часов вечера должны были готовить уроки к следующему дню.

– Хочешь заниматься со мною? Я покажу тебе, что задано, – предложил Принц Сереже.

Сережа охотно согласился. Принц ему нравился все больше. К тому же он отлично учился и мог во многом помочь Сереже. Не теряя времени, мальчики уселись в самый дальний угол класса – в тот именно, где стоял большой шкаф с книгами и глобусом, и принялись за приготовление уроков. Историю Ноя и Всемирного потопа Сережа не раз слышал от мамы и потому выучить ее к следующему дню для него не составило труда.

– Вот и одолели один урок, – весело воскликнул Принц и шумно захлопнул книжку учебника. – Теперь давай учить французский язык. Ты увидишь, как это легко.

Но с французским языком оказалось куда труднее. Сережа едва запомнил слова, заданные на завтрашний день Пушкин, причем многие из них перепутались в его голове. Принц, однако, до тех пор не оставил Сережу в покое, пока тот не ответил ему весь урок наизусть.

В восемь часов вечера мальчикам дали по большой кружке чаю с молоком и по сладкой булке и отвели их в спальню.

В спальне стояло двенадцать кроватей с ночным столиком у каждой, куда пансионеры могли прятать платье на ночь. У одной стены было несколько умывальников, у другой шкаф с запасным гардеробом мальчиков. Посередине спальни висела большая лампа под зеленым абажуром. В правом углу был киот с образами. У киота теплилась лампада, которая и освещала ночью спальню. На левой стене висел портрет Пушкина в черном платье с розой в волосах.

Большая спальня с двенадцатью кроватями показалась Сереже пустой и неудобной. Он с грустью вспомнил свою маленькую комнатку с крошечной постелькой, застланной голубым шелковым одеялом, сшитым руками мамы.

Постель Сережи оказалась крайней. Но с одной стороны у него был соседом Мартик Миллер, – кроткий, болезненный мальчик, общий любимец всего класса.

– Ну, раздевайся, не зевай! – окликнул Принц замечтавшегося было Сережу.

Он уже успел сбросить свою щегольскую курточку, расчесал белокурые волосы и пришел помочь Сереже.

Сережа стал стягивать с себя платье и вдруг вспомнил, что у него в левом кармане лежит подарок Любочки – однорукая Стеша.

«Еще, пожалуй, кто-нибудь увидит и засмеют тогда меня, задразнят», – подумал Сережа, осторожно вытащил куклу из кармана, положил ее в постель и прикрыл одеялом.

– Что это у тебя? – спросил Принц и, сунув руку под одеяло, вытащил оттуда Стешу.

– Оставь, оставь, спрячь скорее, а то увидят, – Сережа старался вырвать Стешу из рук Принца.

Ему все казалось, что его новый товарищ сейчас рассмеется ему в лицо, не поняв в чем дело. И он торопливо стал передавать ему, как Людочка подарила ему свою любимицу-куклу и какая она добрая девочка, и как они вместе с нею дружно играли и росли.

Принц выслушал Сережу и ни разу не улыбнулся. Напротив, на его лицо набежала тень.

– Счастливый ты, Сережа! – сказал он грустно, – у тебя есть и мама, и сестрица, и няня, и Арапка. У меня никого нет кроме приемного отца, которого я редко вижу, и гувернера Рено, который заставляет меня говорить по-французски и ставит на колени в угол, если я провинюсь.

Сереже стало искренне жаль бедного Принца. Несмотря на бархатные костюмчики и нарядное белье с кружевами, он был беднее всех мальчиков их класса. У каждого из них был или любящий папа, или добрая, ласковая мама, или братья и сестрицы. У Принца же никого не было.

Сережа крепко обнял своего нового друга и сказал:

– Знаешь, Принц, ты такой хороший. Хочешь будем братьями? Пойдем со мной в субботу к моей маме и Людочке. Тебе у нас будет гораздо веселее, чем с твоим строгим гувернером.

Принц ничего не ответил и благодарно посмотрел на Сережу. Через минуту он снова смеялся, прыгая с постели на постель с ловкостью котенка.

Маленький Принц не мог долго предаваться печальным мыслям.

– Ну, дети, спать! – строго приказал Василий Иванович, и все двенадцать мальчиков мигом разместились по своим кроватям.

Сережа с непривычки долго ворочался на жесткой постели, перекладывал и крестил подушки и, наконец, прижав Стешу к груди и думая о Людочке, крепко уснул.

* * *

Сережа проснулся от хохота детских голосов.

«Уж не во сне ли все это?» – подумал он спросонья и, сделав над собой усилие, открыл глаза.

Нет, это не во сне. Около его постели стоял Рыжий и высоко держал над головой одну-рукую Стешу. Принц прыгал вокруг Грушина, стараясь вырвать у него из рук куклу.

Мальчики разделились на два лагеря: одни держали сторону Рыжего, другие Принца.

– Мальчик не должен играть в куклы. Горин срамит наш пансион. Лучше бы он поступил в институт, где воспитываются девочки! – кричали одни.

Другие старались перекричать их:

– Какое вам дело! Пусть играет, если хочет. Если Принц заступился за него, – значит, он прав.

– Ваш Принц – сам девочка. Смотрите, какие у него длинные волосы, хоть косу плети! – хохотал Грушин и вдруг высоко подбросил Стешу.

Стеша упала на пол и фарфоровая ее головка разбилась вдребезги.

Это было уже слишком. Как ни сдерживался Сережа, как ни крепился, но при виде разбитой Людочкиной любимицы он разрыдался. В одной рубашонке подскочил он к Грушину.

– Злой мальчик! Эту куклу мне дала маленькая сестрица и не для игры дала, а на память, понимаешь, на память, чтобы взять из дома какую-нибудь вещь, которая бы живо напоминала о ней. Людочка дала, а ты разбил... Злой... злой... нехороший.

При виде неподдельного горя Сережи мальчики, заступавшиеся было за Грушина, притихли. Те же, которые были на стороне Принца, бросились поднимать осколки, а сам Принц обнял Сережу и старался его утешить.

– Не плачь, мы ее склеим, а нет – попросим Василия Ивановича купить другую голову. Я много видел точно таких же в Гостином дворе. У меня есть рубль в кошельке, возьми, пожалуйста, и купи новую головку кукле. Людочка не узнает.

Рыжий стоял пристыженный, не зная куда девать глаза. Многие из его прежних товарищей перешли на сторону Сережи и Принца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.